

Рон опять проводил ночь без сна. Как бы он ни старался перестать думать, ничего не получалось. Мысли о двух лучших друзьях яростным вихрем пронеслись у него в голове.

Прежде всего, Гарри. Богат, знаменит, харизматичен и относительно красив. С таким убийственным набором тот был способен заполучить любую девушку, которую только мог пожелать. Нет, он мог заполучить буквально каждую девушку на блюдечке с голубой каемочкой. Он повел Парвати Патил, самую хорошенькую девушку с Гриффиндора, на Святочный бал. Он встречался с Чоу Чанг, самой красивой и популярной девушкой во всей школе. Гарри даже сопровождал Луну Лавгуд на одну из вечеринок «Клуба слизней», что до сих пор раздражало Рона, ведь его туда никогда не приглашали, хоть он и был другом «Избранного» и «Самой выдающейся ведьмы своего поколения». Пусть Луна и не была самой привлекательной девушкой в школе, но она уж точно не походила на Элоизу Миджен. При таком огромном количестве открывающихся перед ним возможностей кого же выбрал «Избранный»? Джинни. Его малютку-сестру.

Гарри знал, что Рон с ума сходит, пытаясь не дать всем этим распутным мальчишкам Хогвартса лишиться ее невинности. Да он чуть ли не в обморок падал каждый раз, когда застукивал ее за обжиманиями с каким-то парнем в кладовой для метел, пустом классе или безлюдном коридоре. И после всего этого Гарри ее поцеловал. Рона чуть удар не хватил, когда он увидел, как они целуются на виду у всех посреди гриффиндорской гостиной. Он вспомнил первоначальный шок от этой картины: губы его лучшего друга на губах его сестры. Изумление продлилось не дольше секунды, а затем внутри поднялась ужасная ярость, но прошла и она.

Рону было известно, что Гарри принадлежал к тому типу парней, которые никогда не делали первый шаг. Он помнил ситуацию, когда Гарри был вынужден искать себе спутницу на Святочный бал. Хоть ему и нужна была пара, ведь он был одним из «чемпионов»; и даже зная, кого он хочет пригласить, Гарри потратил слишком много времени, набираясь храбрости, чтобы позвать Чо. В итоге, оказалось слишком поздно, и она уже была занята. Рон тогда понял, что с ее стороны не было отказа, но Гарри воспринял все именно так. Зная его характер и то, что он ни за что не захотел бы рисковать их дружбой, Гарри точно никогда не поцеловал бы сестру лучшего друга, разве что она подбежала бы к нему первой и, фактически, совершила покушение на его лицо.

Хорошо, мысли о том, что один из самых богатых волшебников Англии породнится с семьей Уизли, было достаточно для того, чтобы удержаться и не проклясть Гарри, пресекая его безнравственные поползновения раз и навсегда. Рон признавал, что Джинни могла наломать дров больше, чем Гарри, даже несмотря на то, что судьба, казалось, уготовила ему лишь черную полосу в жизни, тянущуюся во все обозримое будущее. Рон завидовал Гарри из-за огромного количества вещей, но быть «Избранным» из того самого пророчества ему не хотелось.

Итак, он, наконец, примирился с тем, что Гарри встречается с Джинни. И что тогда сделал Гарри? Он на глазах у всех в Хогвартсе бросил ее. Изначально Рон понимал, что послужило причиной этому: все было сделано для того, чтобы оградить Джинни от опасности. Пока все в школе будут уверены, что они не вместе, причин навредить ей тоже не будет или, по крайней мере, их будет меньше. Вот чего Рон не мог понять, так это почему даже в окружении семьи и доверенных друзей Гарри обращался с ней, как с флоббер-червем?

Ладно, он действительно хотел защитить ее и уберечь, убедившись, что все знают о том, что они больше не встречаются. Да, Гарри любил Джинни так сильно, что выкрикивал имя Гермионы, когда спал. Гм! Рон знал, что чувства Гарри к Гермионе намного более глубокие, чем тот был готов признать. Он сомневался, знал ли сам Гарри о своих чувствах, но всем остальным они были до боли очевидны, причем уже не один год.

Да, ведь еще есть Гермиона. Еще одна причина, по которой сон ускользал от Рона. Он все испортил на свадьбе брата. Да, Рон понимал, что изрядно напортачил. Он намеревался поймать Гермиону после приема и получить хорошенькую порцию крепких поцелуев и объятий... Вообще-то, их зажимания никогда нельзя было назвать качественными, но любой поцелуй — уже хороший поцелуй. К несчастью для него, привести Гермиону в нужное настроение было очень тяжело с того самого дня, когда он, ослепленный удачей, зашел слишком далеко и попытался забраться рукой ей под блузку. Рону понадобился целый месяц извинений, чтобы опять достичь того этапа развития их отношений, когда он мог рассчитывать хотя бы на легкий поцелуй в щеку.

Надежда на то, что они когда-нибудь поцелуются вновь, была уничтожена, когда Гермиона застала его в достаточно компрометирующей ситуации с Габриель Делакур в кладовой для метел. Будь прокляты эти близнецы... «Конечно, Рон, ты уже совершеннолетний! Держи еще одно огневиски! Пей до дна! Вот еще чарочка!» Не то чтобы Рон надрался в стельку тем вечером — на следующее утро у него даже не было похмелья — но выпил он достаточно, чтобы немного пошатнуть его здравомыслие, а прибавить к этому еще дурное «влияние вейлы»... У него не было никаких шансов.

Габриель просидела большую часть венчания и свадебного приема одна, расстроенная исчезновением Гарри. Она почти ни с кем не говорила, но, опять же, мало кто разговаривал, вообще. Рон как раз проходил мимо ее столика, слегка лишь покачиваясь из-за огневиски, когда его настигла доза тех самых «феромонов», или как оно там называется, от уменьшенной копии Флер. Говоря по правде, Габриель уже нельзя было назвать маленькой. В четырнадцать лет она обладала взрослым лицом и относительно хорошо развитым для своего возраста телом, что сильно отличалось от того, какой он ее запомнил на четвертом году обучения.

Рон не мог сказать, как он очутился с ней в кладовке для метел. Он даже не знал, как долго оставался внутри. Тем не менее, он прекрасно помнил, как был обнаружен Чарли и Гермионой. Он вспомнил секундную вспышку боли на ее лице, которая тотчас же сменилась неизменной маской печали, скрывавшей ее лицо с того самого дня, когда стало известно о том, что Гарри исчез.

— Неизменная грусть, — иронично хмыкнул Рон, лежа в постели.

С тех пор, как пропал Гарри, Гермиона совсем сошла с ума. Хотя даже перед его исчезновением она вела себя странно. Рону казалось, что он знал, почему она была такой раздражительной весь прошлый год, особенно по отношению к Гарри. Во-первых, проблема, связанная с их лучшим другом и пророчеством. Рон был уверен, что это была основная причина. Да еще тот факт, что Гарри все время был прав насчет Малфоя и Снейпа. Гермиона чувствовала себя виноватой в том, что даже не попыталась поверить ему. Создавалось такое впечатление, что она намеренно отталкивает Гарри от себя, противореча каждому сказанному

им слову.

Конечно, еще была книга Принца, раздражающая и его, и Гермиону. Ее учебник беспокоил по понятной причине: теперь Гарри в глазах Слагхорна превосходил ее. По правде говоря, он действительно работал лучше нее, чего она никогда не могла ожидать на занятиях по зельеварению. Рона и самого досадовало, что всегда находилось оправдание, чтобы не делиться тем богатством знаний, которое содержал учебник, с ним, что при сравнении с Великим Гарри Поттером выставило его еще более жалким, чем обычно. Он так привык быть «братом по несчастью» Гарри, что чувствовал себя преданным, так сказать, брошенным в углу.

Рон знал, что является посредственным волшебником. Он не был совершенно неумел, но, конечно, был далеко не Мерлином. Гарри не являлся ни его первым, ни единственным другом, но, безо всяких сомнений, он был его лучшим другом. С тех пор, как ему открыли содержание пророчества, Рон понимал, что именно Гарри необходимо совершить, и осознавал, что ему понадобятся сильные союзники, чтобы покончить со всем. К сожалению, Рон болезненно ощущал, что он не подходит под такое описание.

Было кое-что еще, и это беспокоило Рона дольше всего. Как и остальные, он был уверен, что Гермиона предназначена Гарри судьбой. Все указывало на это до начала шестого года обучения. Он знал, что Гарри ей нравится. Но что могло произойти после прошлогоднего лета, что Гермиона перестала постоянно грезить о нем наяву и, наоборот, начала клясть его на чем свет стоит, когда Гарри не мог ее услышать? И почему создалось такое впечатление, что после похорон Дамблдора она увлеклась им настолько, что запустила себя. Конечно, все волновались о нем, но она подняла волнение на совершенно другой уровень. Как будто она не могла жить дальше без него, будто она нуждалась в его присутствии рядом с собой. Что привело к такой внезапной перемене?

Рон также осознавал, что Гарри нуждался в Гермионе. Ведь она была не только «самой умной ведьмой своего поколения», но почти такой же опытной и чуть ли не равной по силе Гарри. Прибавить к этому ее потрясающую склонность к дедукции, способность думать на бегу и возможность приспособливаться ко всему, будь то продвинутые чары или любая ситуация или окружение, в которые она попадала; и это не говоря уже о ее фанатичной страсти к книгам и исследованиям. Для Гарри она была незаменима.

Слова, сказанные Гермионой в больничном кафе, вновь приходили к нему на ум: «Ему больше была не нужна моя дружба, чтобы почувствовать себя счастливым. Я была ему не нужна! Я поняла, что единственная причина, по которой он со мной дружил — это то, что он мог рассчитывать на меня все эти годы. Я всегда была рядом и могла помочь, несмотря ни на что. Я всегда была готова помочь, но не в прошлом году. Я так завидовала Джинни, да ещё эта чёртова книга разругала нас. Я была так напугана, что он больше никогда не попросит моей помощи, что он никогда... Что он не захочет... Он стал моим первым другом за всю жизнь. Самым первым и самым лучшим другом. Как я могла относиться к нему так? Что на меня нашло?»

Рон никому не признавался, что испытывал те же чувства, но его ощущение собственной бесполезности появилось намного раньше, чем у Гермионы. Все началось с того идиотского Турнира на четвертом курсе, когда ему казалось, что он больше мешает, чем оказывает

помощь. У Гермионы уж точно не было причин для беспокойства. Она-то была нужна Гарри больше, чем они все осознавали.

Вот в чем суть проблемы. Гарри жить не мог без Гермионы. Хоть Рон и был нужен Гарри как друг, как помощника его никто не рассматривал, скорее, его считали обузой. Для того, чтобы остаться подле Гарри, единственным выходом оказалось начать отношения с Гермионой, потому что, так или иначе, она всегда будет рядом с Гарри.

Рон сел сбоку на кровать и, повесив голову, вздохнул. Он действительно чертовски напортачил. Как много времени понадобится Гарри для того, чтобы оттолкнуть его в сторону, как он сделал это с Джинни, «для его собственной защиты»? Как скоро он поймет, что его лучший друг не очень-то и способен помочь ему? Тогда как долго еще Рон будет оставаться его «лучшим другом»?

Когда люди смотрели на него, они всегда видели «самого близкого друга Гарри Поттера». Его, по правде говоря, не сильно волновало, когда его называли «закадычным другом Мальчика-который-выжил». Это было лучше, чем если бы его, вообще, никто не знал или еще хуже — знал как младшего брата «вставьте здесь имя более успешного старшего брата», с которым, как все понимают, он никогда не сравнится. То, что Гарри стал неотъемлемой частью семейства Уизли, стало достоянием общественности, и все члены семьи рисковали одинаково. Как долго это будет продолжаться? Что теперь могло убедить Гарри, что Рон пригодится в его будущих поисках?

Рон выглянул из окна спальни и увидел, что небо озаряется ранними лучами утреннего солнца. Уже слышался аромат завтрака, плывущий по лестнице в сторону его комнаты. Голос его матери, будящей Джинни к завтраку, донесся с первого этажа, а затем позвал и его. Одевшись, Рон спустился на кухню, где его хлопочущая у плиты мать сначала наполнила огромное блюдо только что приготовленными яйцами, а затем ленивым движением палочки отправила его на стол.

Тяжело усевшись на стуле, он наполнил пустую тарелку и начал торопливо уминать завтрак. Когда он уже второй раз клал себе добавку, в камине загорелось зеленое пламя и в огне появилась голова Кингсли Шеклболта.

— Молли! — громко позвал он.

Миссис Уизли немедленно выключила плиту и бросилась к камину.

— Что? Что случилось?

— Слава Мерлину, что вы еще не ушли, — сказал Бруствер. — Несколько часов назад на больницу Св. Мунго было совершено нападение Пожирателей Смерти. На место выехал весь наш отдел вместе со всеми свободными Обливиаторами и этими Невыразимцами из Отдела тайн, что должно дать вам понять, насколько серьезное было нападение.

— С Гарри все в порядке? — нервно спросила Молли.

— Мы не знаем. Когда мы туда добрались, бой был окончен. В своей палате Гарри не было, и создалось впечатление, что в ней бушевал смерч.

От таких новостей ноги Молли подкосились. Рон встал из-за стола и поддержал мать за локоть. Глянув на лестницу, он увидел Джинни, стоящую на нижней ступеньке, и услышал ее вопрос:

— Мам? Что происходит?

— Пожиратели Смерти атаковали больницу Св. Мунго. Сейчас мало что известно, но Гарри... Гарри... он считается пропавшим... Никто не знает, где он...

Будучи не в состоянии закончить предложение, она разразилась слезами. Лицо Джинни враз побледнело, и она рухнула на пол.

Увидев, как ее младший ребенок оседает вниз, Молли сразу же взяла себя в руки и бросилась к Джинни, чтобы подхватить ее и отнести в гостиную.

— Рон, — скомандовала она, укладывая Джинни на диван, — быстро сбегай наверх и принеси свой набор для зелий, мне нужно сварить успокаивающую настойку для нее.

А затем пробормотала себе под нос:

— И одну для себя.

Рон взлетел вверх по ступеням и помчался в свою комнату. Там он открыл сундук и достал набор для зелий. Заглянув внутрь, он заметил, что большинство ингредиентов уже на исходе, а остальных нет вообще. Тогда он вернулся к лестнице, желая зайти в комнату Джинни, чтобы захватить и ее набор. Едва Рон успел открыть дверь, как его замутило от тяжелого аромата гардений и роз, которым были насыщены ее духи.

По дороге к сундуку, находящемуся в дальнем углу комнаты, он заметил на рабочем столе открытую панель, которой там явно не должно было быть. Остановившись, Рон заглянул внутрь, но отделение было пусто. Тут он увидел пустую склянку, стоящую на листке, оказавшимся страницей, вырванной из какого-то учебника по Зельеварению. Он побледнел, бегло просмотрев страницу и прочитав название зелья — «Любовный отворот».

Глаза Рона сузились, когда он прочел об эффекте, производимом зельем. Он начал понимать, почему Гарри и Гермиона так мало общались друг с другом весь прошлый год и почему Гарри совершенно внезапно по уши влюбился в его младшую сестру. Рон знал, что Джинни была безответно влюблена в Гарри с тех самых пор, как впервые услышала о «Мальчике, который выжил», но он и подумать не мог, что она пойдет настолько далеко, что использует какое-то

зелье для того, чтобы быть к нему ближе.

И тут непрошенная мысль пришла ему на ум: «Разве это так сильно отличается от того, что ты встречаешься с человеком, который тебе не очень-то и нравится, только чтобы быть рядом с Гарри?»»

Рон глубоко вздохнул, споря с самим собой, что же делать. Поступить правильно или как легче? Было бы правильно предупредить Гарри и Гермиону о своей находке. Легче было бы просто проигнорировать ее. Но что, если зелье каким-то образом относится к болезни Гарри?

— Черт возьми... — пробормотал Рон себе под нос. Он не мог просто взять и забыть об этом, но и не был уверен, что именно отворот являлся причиной всех бед. Если же не он вызвал недавние неприятности, то как Рон мог винить свою сестру в том, что она хотела удержать Гарри? И опять-таки та мысль, что один из самых богатых волшебников Англии породнится с семейством Уизли, была слишком хороша, чтобы сознательно вредить делу. Так что если Рон и не имел представления о фактическом эффекте, произведенным зельем, то он постарается о нем разузнать перед тем, как наябедничать на собственную сестру. И он уже знал, какая рейвенкловка ему поможет.

Рон торопливо схватил перо и чистый свиток пергамента и быстро переписал на него арифмантическую формулу. Взяв еще один чистый пергамент, он применил дублирующие чары, копируя информацию с вырванной из учебника станицы, и запихнул оба свитка в карман. Он был достаточно осторожен, чтобы привести стол в тот вид, в котором он его обнаружил, перед тем, как достать набор для зелий из школьного сундука Джинни и покинуть комнату, чтобы отнести его матери.

Вручив ей оба набора, он сказал:

— Я уйду ненадолго, скоро вернусь.

Молли просто нервно отмахнулась от него, поспешно добавляя всевозможные ингредиенты в котел. Рон вышел через парадную дверь «Норы», прошел по двору мимо сарая для метел и дизаппарировал с громким хлопком. Секундой позднее он очутился напротив большого, но уютного здания в дальней части Оттери-Сент-Кэчпул, бывшего причудливым домом Лавгудов.

* * *

Гарри проснулся в почти кромешной тьме. Спина и суставы отчаянно хрустели от сна в неудобной скрюченной позе. Он попытался выпрямиться, но пальцы ног наткнулись на

шероховатое неотделанное дерево. Гарри понадобилось несколько секунд, чтобы избавиться от чувства дезориентации и вспомнить, где же он заснул.

«Ах да... верно... чулан под лестницей».

Он вспомнил, как очутился в доме на Тисовой улице: нужно было узнать, в каком тот состоянии, и подготовить его к продаже. Но воскресить в памяти, почему он решил провести ночь в своей бывшей «спальне», Гарри не мог. Возможно, он подумал, что это даст ему хоть слабое чувство безопасности. Размышляя над этим вопросом, он вдруг осознал, что, несмотря на физический дискомфорт, выспался, как никогда раньше. Голова была ясной, а мысли легкими. Впервые на своей памяти он чувствовал себя действительно отдохнувшим. Но у Гарри никак не выходило припомнить сон, который снился ему как раз перед пробуждением: сон о том, как он, уютно устроившись, прижимает к себе мягкого коричневого мишку, что было довольно странно, ведь в детстве у него никогда не было плюшевых зверей.

Гарри распахнул дверь чулана, пуская внутрь достаточно света, чтобы увидеть время на часах. Когда дверь открылась, он узнал, что близится семь часов вечера. Внезапно до него донесся отдаленный звук текущей воды. Попав в дом, он и не пытался открыть какой-то кран, но, наверное, он сделал это днем, находясь в полусонном состоянии. Или, возможно, где-то прорвало трубу, а он не заметил этого вначале. Бесшумно покинув чулан, Гарри определил, что звук доносится со второго этажа. Он осторожно поднялся вверх по лестнице и увидел свет, просачивающийся сквозь приоткрытую дверь ванной. Видимо, Дурсли не посчитали нужным отключить электро и водоснабжение, ведь по счетам все равно платить не им. Крадучись, он тихо подошел к двери, с каждым шагом прислушиваясь к журчанию воды. До него донеслось дуновение чего-то... ванили и корицы? Сжав палочку в руке, он медленно заглянул за приоткрытую дверь.

Гарри замер на месте. Во рту внезапно стало сухо. Прошло несколько ударов сердца, и он моргнул, не веря своим глазам.

В ванной комнате находилась его лучшая подруга Гермиона. Очевидно, упаковав свои вещи и переехав, Дурсли забрали с собой все, включая и шторку для душа. Гермиона стояла в ванной лицом к двери, ее глаза были закрыты, а покрытые шампунем волосы откинута на спину, под поток из душа. Выгнувшись и приподняв мыльные руки вверх, она промывала волосы. Гермиона оказалась очень худой, но не утрачивающей. Глаза Гарри проследили дорожку пены, стекающую с ее плеч вниз, между грудей, разделяющуюся на два ручейка вдоль линии грудной клетки, вновь вниз по ее почти плоскому подтянутому животу и заканчивающуюся в аккуратном подстриженном треугольнике кудряшек.

Ему хотелось коснуться ее. Ему нужно было узнать, настолько ли гладкая и шелковистая эта кремевая кожа, насколько она выглядит. Его воображение взяло мыло с подставки, намылило его руки и приложило их к атласным холмикам ее...

— Квоффлы Мерлина милостивого! — воскликнул Гарри, когда его отбросило назад за дверь. С шумом врезавшись в стену коридора, он сполз по ней на пол. Голова взорвалась острой ослепляющей болью, которая была сконцентрирована не возле шрама, а, казалось, исходила

изнутри головы. Внезапно у него возникло ощущение, будто густой туман в голове рассеялся. Как он мог не заметить, насколько она выросла? Как будто образ четырнадцатилетней Гермионы не давал ему увидеть ее по-настоящему до той секунды, когда он застал ее стоящей под душем.

Глаза Гарри полезли на лоб, из груди вырывались короткие судорожные вздохи. Увиденное глубоко врезалось в воображение. Гермиона... Голая Гермиона... Голая и мокрая... Гермиона, вся в пене, голая и мокрая... Его руки гладят... Его тело прижимается к...

«Твою мать!»

Мгновением позже дверь в ванную распахнулась настежь и все еще намыленная, но завернувшаяся в спадающее полотенце Гермиона, с которой ручьями капала вода, выбежала в коридор, выставив перед собой палочку. Гарри заметил, что ее глаза наполнились тревогой, когда она увидела его лежащим у стены. Быстро оглядевшись по сторонам в поисках малейших признаков незваных гостей, она вновь повернулась к нему.

Гарри всматривался вглубь ее глаз. В них он видел беспокойство; волнение, которым они засветились, когда Гермиона встретилась с ним взглядом. Он мог поклясться, что лишь на мимолетное мгновение, но он увидел то, что можно было назвать только... любовью? Секундой позднее ее лицо омрачилось душевной мукой.

— Гарри! Что случилось? Ты в порядке? — засыпала она его вопросами, склонившись к нему и осматривая в попытке понять, не ранен ли он. В это время ее полотенце слегка сползло с груди и распахнулось сбоку, открывая вид на обнаженное тело от талии до бедра и всю правую ногу. На лице Гермионы застыл ужас. Она так испугалась, что у Гарри начался один из его припадков. Она протянула руку, чтобы коснуться его лба, что заставило его в панике отшатнуться.

— Черт возьми, Гермиона! Ты же голая!

Гарри увидел, как ее настигло понимание, а щеки заметно покраснели. Она торопливо поднялась и поправила на себе полотенце.

— Ой... Э-э-э, хорошо. Давай я закончу с душем, ладно? — с робкой застенчивой улыбкой Гермиона быстро исчезла в ванной, на этот раз плотно закрыв за собой дверь.

Гарри понадобилось несколько минут, чтобы вновь овладеть дыханием и взять гормоны под контроль. Не исчезающий из головы образ Гермионы только усложнял задачу. Когда она успела так вырасти? Когда она начала так выглядеть? Он видел Гермиону в маггловской одежде несчетное количество раз, но вещи всегда были надеты в несколько слоев и висели на ней, так что он никогда не осознавал, что скрывалось за ними. Она была такая... такая большая, но ему было не с чем сравнить. Кому-то другому она могла бы показаться достаточно маленькой, но Гарри об этом и не догадывался потому, что за всю свою жизнь никогда не видел обнаженной женщины. Он не видел никого голышом, вообще.

Гарри поднялся на ноги, все еще прислоняясь к стене, и нервно запустил руку в волосы.

«Эти длинные ноги... изгиб этих бедер... и ее молочно-белая кожа... форма этой большой намыленной...»

Он больно дернул себя за волосы.

«Прекрати это, Поттер! Ты же пускаешь слюни на Гермиону! Но эта мыльная пена... стекающая ручейками по краям ее живота... стекающая вниз к... Возьми себя в руки! — гневно скомандовал он себе.

На что его разум сварливо ответил: «Тебе ведь очень хочется взять себя в руки сейчас, не так ли?»

Гарри яростно зарычал, подошел к лестнице и сел на верхнюю ступеньку. Чувствуя себя жалким, он уронил потное лицо на руки. Пытаясь успокоиться, он тяжело вздохнул и вновь прошептал:

— Черт возьми.

Куда делась та низенькая худенькая девочка, съездившаяся на полу в туалете? Когда назойливый вечно командующий книжный червь, который бесконечно тренировал с ним Призывающие Чары, превратился в женщину? Неужели Гарри совсем не обратил на это внимание? Он знал, что Гермиона не была роковой красоткой, на которую пускали слюни все парни вокруг, как это походя позволяла Флер. Большинство видело ее простушкой, но чтобы постигнуть ее истинную красоту, закрыв глаза на внешность, нужно было узнать Гермиону, а Гарри, не будучи уверенным ни в чем в своей жизни, ни на секунду не сомневался в том, что знает ее... или, по крайней мере, когда-то знал... Что изменилось с тех пор?

Сзади донесся ее нежный голос:

— Гарри?

Он напрягся, услышав за спиной шлепанье голых ног Гермионы по деревянному полу, но решил не оборачиваться, боясь того, что он мог увидеть, и еще больше боясь своей реакции на увиденное.

— Гарри? — позвала она опять и дотронулась до его плеча. От ее прикосновения Гарри взлетел на ноги и спустился на ступеньку вниз, отчаянно пытаясь скрыть очень заметное влияние, которое на него оказала вся эта ситуация. Гермиона пискнула и в удивлении сделала шаг назад.

— В чем дело?

Гарри слегка повернул голову в ее сторону и неуверенно бросил на Гермиону быстрый взгляд. Удостоверившись, что она полностью одета, он немного расслабился, но все еще не решался посмотреть ей в глаза.

— Прости меня, — чуть ли не шепотом попросил он.

Гермиона явно была сбита с толку:

— Ты о чем?

Гарри повесил голову и продолжил:

— Я видел тебя... в ванной. Я не знал, кто это в доме и что происходит. Услышав журчание воды и увидев приоткрытую дверь, я заглянул внутрь, и там была ты, и... и дверь... занавески не было и... О Мерлин, мне так жаль... — к этому моменту Гарри настолько покраснел, что цветом лица напоминал дядю Вернона во время одного из его сильнейших приступов гнева.

— Ох, значит, ты видел... Ничего себе! — все, что смогла выговорить Гермиона, но после многозначительной паузы она продолжила: — Прости меня, это моя вина. Я хотела тебя разбудить, но у тебя был такой умиротворенный вид, что у меня не хватило духу, и тогда я решила, что, пока ты спишь, я...

И с нервным смешком она добавила:

— Я надеюсь, это было не настолько ужасно.

«Ужасно? Навряд ли!» — подумал Гарри. Ему было как никогда трудно выдавить из себя законченное связное предложение.

— Ну да, но, вообще, нет, конечно... Я-я-я никогда не видел никого... ну, ты понимаешь, о чем я... Мне уже почти семнадцать лет, но я никогда... в общем... просто ты такая... — Гарри резко остановился, осознав, что начинает лепетать.

Гермиона замерла на месте. Да, ей было до ужаса стыдно, но больше ее пугало то, каким словом Гарри закончил бы свое предложение. Страшная? Тощая? Уродливая? Ужасная? Простушка? Кошмарная? Уж точно не «хорошенькая» или «красивая». Наверное, он никогда не посчитал бы ее «привлекательной». Как бы он мог?

Тем не менее, ей нужно было это знать. Закрыв глаза и, вопреки голосу рассудка, она подсказала:

— Просто я такая?..

Гарри обождал секунду, а затем начал живо подниматься вверх по лестнице:

— Наверное, я тоже приму душ. Можно одолжить твое мыло?

Когда он проходил мимо нее, Гермиона схватила его за руку и крутанула, поворачивая лицом к себе:

— Просто я такая? Какая я? Уродливая?

Гарри издал маленький смешок, из-за чего Гермиона тот час же почувствовала ноющую боль в груди. Все еще избегая смотреть ей в глаза, он произнес:

— Я уже говорил тебе раньше, и я действительно имел это в виду, что я, несомненно, я не считаю тебя уродиной, но, мне кажется, ты не захочешь услышать то, что я подумал.

Она ощутила, как на глазах выступают слезы, но смогла заставить свой голос не дрожать и повелительным тоном потребовала:

— Я все же хотела бы это услышать. Просто я какая?

Гарри уперся взглядом в пол и пробормотал себе под нос что-то. Все, что Гермиона смогла разобрать, было «...альная».

«Он что, только что сказал «ненормальная»? Он считает меня страшной!» — ее глаза сузились.

— Прошу прощения, что-то я не расслышала.

Гарри шумно вздохнул.

— Идеальная, так лучше? — чуть ли не заорал он. — Я считаю твою фигуру идеальной! Довольна? Я и представить не могу, почему ты настолько уверена, что, взглянув на тебя, хоть кто-то мог бы назвать тебя уродиной. А теперь, пожалуйста, подожди, пока я зайду в ванную, прежде чем смеяться надо мной.

Гарри угрюмо выдернул свою руку из ее захвата, молча прошествовал по коридору и зашел в ванную комнату, оставляя лишившуюся дара речи Гермиону стоять возле лестницы.

Закрыв дверь, он запер ее на замок, затем громко выдохнул и, опершись спиной на дверь, сполз на пол.

«Хитрый ход, Поттер, ты действительно хорошо все уладил», — прозвучал в его голове

надоедливый тоненький голосок, удивительно напоминающий голос Гермионы. Гарри разделся и забрался в ванную, собираясь очень быстро принять душ, да похолоднее. Когда он открыл кран, поток воды, полившийся на него, и так был ледяным, что говорило о том, что тот, кто был в ванной до него, то есть Гермиона, тоже принимал очень холодный душ. Это заставило Гарри задаться вопросом: «Почему она принимала холодный душ?»

Ледяная вода лишь немного устранила его «проблемку». Выйдя из ванной, Гарри обнаружил, что ему придется воспользоваться тем же полотенцем, которым до него вытиралась Гермиона. Осознание того, что еще несколько минут назад эта пушистая все еще влажная ткань была обернута вокруг ее обнаженного тела, вызвало в его почти семнадцатилетней голове целый поток непристойных мыслей.

Вытершись настолько тщательно, насколько это можно было сделать, Гарри мельком подумал о том, что стоило бы наложить на свою одежду чистящие чары, а на пол возле ванной, где к тому времени образовалась огромная лужа, сушащее заклинание. В итоге он решил, что этим займется Гермиона, если она еще не ушла, ведь перед самым днем рождения ему не были нужны никакие «приятные извещения из Министерства» насчет использования магии несовершеннолетним волшебником. Тут ему в голову пришла мысль, что он, фактически, мог прогнать ее. Действительно ли Гермиона сбежала от того, что он сказал ей?

Гарри поспешно оделся и уложил все туалетные принадлежности Гермионы в ее сумку. Подняв ее, он засунул палочку за пояс штанов и повесил влажное полотенце на руку. Он невольно опустил глаза к полу и толкнул дверь ванной комнаты, понимая, что сейчас он либо встретится лицом к лицу с очень злой Гермионой, ждущей его за дверью, либо обнаружит вновь пустой нежилой дом.

Он молча взмолился о том, чтобы это был не второй вариант.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818728>